

М.М. Громова (Москва, Россия)

Трансформация образа Японии в журнале «Мурзилка» в XX в.

Аннотация: В статье анализируются и систематизируются материалы, посвященные Японии, представленные в детском литературно-художественном журнале «Мурзилка» на протяжении XX в. Прослеживается эволюция образа Японии на страницах журнала с учетом исторической обстановки, советско-японских отношений, развития межлитературных связей, тенденции к устранению политической риторики из детской периодики.

Периодичность, тон и количество подобных публикаций в «Мурзилке» позволяют выделить три основных периода интереса к Японии не только в журнале, но и – шире – в советской периодике, тенденциям которой он всегда следовал, отражая конфликты эпохи, настроения и интересы общества. Каждый период характеризуется значительным изменением образа Японии.

В период японской оккупации Маньчжурии и Хасанских боев, а также после войны с Японией абстрактные «японцы» представлены как агрессоры, фашисты, посягающие на советские границы. Подчеркивается классовая природа японско-китайских конфликтов.

В эпоху «оттепели» Япония оказывается страной с интересной и своеобразной культурой. Публикуются стихотворения и песни японских поэтов, сказки, описания народных праздников и быта, «бумажного театра» камисибай.

В первое десятилетие после распада Советского Союза Япония завораживает читателей «Мурзилки» единством материальной и духовной культуры, представленным в икэбана, оригами и чайной церемонии. Это страна, существующая вне времени, а основу жизни японцев составляют древние традиции и изысканные праздники.

Ключевые слова: детская журналистика; журнал «Мурзилка»; образ Японии; образ Японии в России; детская периодика

М.М. Gromova (Moscow, Russia)

Transformation of the Image of Japan in Murzilka Magazine in the 20th century

Abstract: The image of Japan in the children's magazine "Murzilka" has been changing depending on the relations between the USSR and Japan and the development of interliterary ties during the 20th century.

During the period of the Japanese invasion to Manchuria and the Lake Khasan Battle, abstract “Japanese” are presented as aggressors, fascists, encroaching on the Soviet borders. The class nature of the Japanese-Chinese conflicts is emphasized.

During the period of the Khrushchev Thaw Japan turns out to be a country with an interesting and unique culture. There are published poems and songs of Japanese poets, fairy tales, descriptions of folk holidays and everyday life, “paper theater” *kamishibai* there.

In the first decade after the collapse of the Soviet Union, Japan mesmerizes “Murzilka”’s readers with the unity of material and spiritual culture, presented in *ikebana*, *origami* and tea ceremony. It is a country that exists beyond time, and the basis of Japanese life is formed by ancient traditions and exquisite holidays.

Key words: children’s journalism; Murzilka magazine; the image of Japan; the image of Japan in Russia; children’s magazines

Детский ежемесячный литературно-художественный журнал «Мурзилка» – старейший до сих пор выходящий журнал для детей: он издается непрерывно с 1924 г. (в 2011 г. журнал был занесен в Книгу рекордов Гиннеса). Без преувеличения «Мурзилку» можно назвать главным советским детским журналом: наряду с произведениями известных советских писателей в нем публиковались и переводы зарубежной детской литературы, его иллюстрировали известные художники детских книг, а тиражи достигали 5 600 000 экз. Журнал всегда следовал тенденциям «взрослой» литературы, отражая конфликты эпохи, настроения и интересы общества.

Значительное место в «Мурзилке» занимают публикации, связанные с Японией. На протяжении XX в. образ Японии в «Мурзилке» менялся в зависимости от отношений СССР с Японией, развития межлитературных связей, тенденции к устранению политической риторики из детской периодики. «Японские» материалы «Мурзилки» для многих юных советских читателей оказывались первыми сведениями о Японии вообще и создавали фундамент для дальнейшего формирования образа Японии и японцев.

Отдельные сочувственные упоминания японской бедноты, фотографии и заметки о жизни японских детей в капиталистическом обществе появляются уже в первые годы существования журнала, однако эти публикации нельзя назвать системными.

В 1932 г. Япония оккупирует Маньчжурию, а через два года начинает посягать на советские границы, став главным внешним врагом Советского Союза на востоке. Героями советских детей становятся пограничники. Персонажи-японцы в детских книгах советских авторов тех лет – жестокие, подлые, беспричинно агрессивные милитаристы. Таковы адмирал Хамура Кусаки в «Приключениях капитана Врунгеля» А. Некрасова (1937), капитан Маэда в «Тайне двух океанов» Г. Адамова (1938), японцы в исторической повести А. Зонина «Капитан “Дианы”» (1939).

В эти годы образ Японии в журнале становится угрожающим, этнографическая составляющая уходит. Японцы на страницах «Мурзилки» в этот период – исключительно военные агрессоры и поработители китайцев. У них нет ни имен, ни внешности.

Идея международной солидарности антифашистов и коммунистов отразилась в подборе публикаций. «Японский» материал зачастую соседствует с «китайским». Так, десятилетний рабочий-китаец из повести китайского писателя-коммуниста

Эми Сяо «Маленький Ван Фу» (1938. № 5) помогает рабочим в борьбе с японскими захватчиками – разбрасывает листовки на демонстрации. Сами японцы в тексте не появляются. Только из аннотации можно узнать, что «хозяева... фабрики – японцы – жестоко эксплуатируют своих рабочих».

В 1938 г. начинаются Хасанские бои. Вплоть до 1946 г. Япония в журнале упоминается в контексте военных действий.

В рассказе Н. Григорьева «Случай в горах» (1938. № 8) японцы наблюдают смелый прыжок китайского бойца-мотоциклиста через пропасть. «Банзай, банзай! – завизжали японцы. Вместо “держи” они кричали “ура”». Японцы обретают голос (хоть и «визжат»), но по-прежнему не имеют ни лиц, ни имен.

Из очерка В. Ядина «У озера Хасан» (1939. № 1) мы узнаем, что «семь лет назад на мирный маньчжурский народ напали хищные японские генералы. Они жгли поля, разрушали города, убивали людей. Генералы и пославшие их хозяева, японские капиталисты, давно мечтали захватить богатейшие земли советского Дальнего Востока». Но «заносчивые генералы... жестоко ошиблись»: они, «спасаясь от неминуемой гибели, убежали с нашей родной земли». В очерке описан «один обыкновенный случай» – экипаж подбитого советского танка отбивает атаку японцев. Японцы вновь безмолвны. Советский командир ранил японского снайпера – и тот молча роняет винтовку. К танку молча ползут японцы, держа в руках бутылки с горючим веществом, и так же молча погибают под пулеметным огнем.

В аннотации к книге Л. Савельева «Рассказы об артиллерии», рекламируемой журналом (1941. № 4), сообщается: «Хороший урок получили японцы у озера Хасан. Красные летчики, стрелки, саперы, артиллеристы мужественно бились за нашу славную родину и победили самураев».

Из предисловия к сказке «У Желтого моря» (1946. № 2) мы узнаем, что Порт-Артур, построенный русскими «пятьдесят лет назад», «захватили японцы и сделали китайских жителей своими рабами <...>. Наши красноармейцы и моряки прогнали японцев... и принесли свободу китайцам».

В очерке Г. Фиша «В Маньчжурии» (1946. № 7) говорится: «Пятнадцать лет назад японцы захватили Северный Китай. В августе прошлого года Красная Армия разбила японских фашистов и освободила китайцев от японского гнета». Советские бойцы узнают, что «китайцам запрещали есть рис! Весь урожай японцы забирали себе. На всех дорогах, на всех базарах стояли полицейские. Они проверяли каждую повозку, каждый мешок и отбирали рис. Полицейские ходили и по домам. И если полицейский видел у китайца в котелке рис, он отправлял китайца в тюрьму».

Из этого ряда выбивается рассказ Эми Сяо «Дружба» (1938. № 10). Маленький китаец устраивается на японскую фабрику в Шанхае, где «надсмотрщики-японцы издевались над китайскими ребятами. Приходилось работать тринадцать часов в сутки. Ребятам-китайцам было запрещено учиться и даже разговаривать друг с другом». Мальчик хочет угостить японскую девочку Ми сладкой дыней, но она испуганно отталкивает его руку и убегает. Дядя объясняет ему: «Хозяева-японцы не хотят, чтобы японские и китайские ребята дружили между собой, – вот японцы и запугивают детей: выдумывают, будто бы китайцы отравляют японцев». Вновь подчеркивается идея классовой разделенности общества, единства всех угнетенных против эксплуататоров. Впервые мы видим, что японцы – это не только безымянные военные, но и рабочие, в том числе дети, которых запугивают, чтобы помешать их общению с китайским пролетариатом.

До самой «оттепели» японцы в «Мурзилке» не упоминаются. Когда они «возвращаются», это совсем другие японцы. Появляются публикации японских авторов, причем первая из них выходит еще до подписания Советско-японской декларации 1956 г.

Это эссе «Дорогие советские дети!» (1955. № 5) Иваками Дзюнъити (1907–1958), зимой 1955 г. посетившего Москву. На примере Дня мальчиков писатель поднимает тему классового неравенства: «...у домов помещиков и богачей вывешивают больших карпов да еще прикрепляют к бамбуковым шестам бумажные вертушки, чтобы они шумели на ветру». Писатель вспоминает День мальчиков из своего детства. «Дети помещика и богачей... играли на деревенской площади, разодетые в красивые кимоно», в то время как сам Иваками, сын бедного крестьянина, должен косить траву. Юные читатели узнают, что бумажных карпов вывешивают, «чтобы мальчики росли такими же мужественными, как карпы, которые поднимаются вверх против течения сквозь бурный водопад». Из эссе можно узнать также о деталях национального быта.

В последующих публикациях классовая тематика из описаний Японии уходит. В годы советско-китайского раскола исчезает и тема борьбы китайских рабочих против японских захватчиков. На первый план выходит культурное и этнографическое своеобразие страны в «детском» варианте: игры, праздники, куклы. Появляются литературные сказки, действие которых происходит в Японии, стихи японских поэтов и народные сказки.

Главные герои сказки Ю. Яковлева «Новый год» (1957. № 1) встречают девочек-японок Камие и Макисэ, которые «перебрасывали ракетками круглое семечко цветка лотоса с красным перышком. Они играли в игру “ханэцуел”»¹. Приводится описание японского дома, новогодних украшений и обычаев. Приезжает на велосипеде «великий актер» Кидзо – рассказчик «бумажного театра» камисибай (ко времени публикации сказки стремительно ушедшего в прошлое [Магуро 2013: 89–94]).

В подборке деревянных игрушек со всего мира (1958. № 8) появляется изображение японской куклы кокэси, а на рисунке Ф. Лемкуля можно увидеть «японского воздушного змея», напоминающего змея классической формы якко-дако, но с хвостом. Маленькая японка присылает свой рисунок кокэси (1959. № 5): «Японская девочка Косиуми Кимико нарисовала их и прислала в Москву, чтобы вы все узнали, что у наших матрешек в далекой Японии есть сестренка и брат – кокэси».

В 1956–1957 гг. в журнале впервые публикуются японские народные сказки: «Два соседа», «Осторожность» и «Кто кого перемолчит?». В эти же годы выходят первые послевоенные издания японских сказок и затем публикуются каждый год на протяжении всей «оттепели». Тремя годами ранее японские сказки – впервые за все время существования СССР – появляются на страницах «взрослых» журналов (Огонек. 1953. № 44; Молодой колхозник. 1955. № 6).

Печатаются детские песни Хасэгава Сидзоу и Сайто Нобуо (1957. № 6); снова появляется рассказчик камисибай: «Я актер, но у меня нет настоящего театра. Видите эти ящички? Это и есть мой театр. Я достаю из ящичка картинки, показываю их ребятам и рассказываю всякие занимательные истории. Картинки нарисованы на бумаге, и поэтому мой театр называется бумажным. Я езжу по городским и деревенским улицам, и на каждой остановке к моему велосипеду собираются ребята».

¹ Очевидно, имеется в виду ханэцуки.

Публикуются в переводах Веры Марковой детские стихотворения Кавадзи Рюко, Китахара Хакусю и Момота Содзи (1966. №2). Год спустя они составят сборник «Птица, птица красная. Стихи японских поэтов», в предисловии к которому В. Маркова напишет: «...детская поэзия Японии лирична в лучшем смысле этого слова». «Мурзилка» и тут верен тенденциям «взрослой» литературы: для взрослого советского читателя в этот период японская (в основном классическая) поэзия ценна в первую очередь лиричностью и аполитизмом [Мещеряков 2014: 49].

В том же предисловии В. Маркова пишет о «народности» детских песен японских авторов: «Китахара Хакусю шел от народной песни. Музыкальность и высокая гуманность, свойственные народной песне, – вот сокровищница, из которой черпали... японские поэты, писавшие для детей». Такой акцент на народном характере детских песен неслучаен: именно в это время в советской публицистике японская самобытность и традиционная эстетика противопоставляются «плоскому утилитаризму», который навязывают Японии США. «От американизации Япония защищена не столько крепостью вековых обычаев, сколько глубокой внутренней культурой» [Эренбург 1957: 244], – пишет И. Эренбург в 1956–1957 г.

Тем не менее отношения Японии и США в ближайшие годы стали гораздо более близкими, нежели надеялись в СССР. Несмотря на частые публикации переводов древней и современной японской литературы, большой интерес советских читателей к популярной книге В. Овчинникова «Ветка сакуры» (1971), успех совместного русско-японского фильма («Дерсу Узала», реж. Куросава Акира, 1975), упоминания о Японии и переводы с японского исчезают со страниц «Мурзилки» ровно на двадцать пять лет.

Вновь Япония появляется в журнале уже в новую историческую эпоху, во время финального этапа распада СССР (1991. №5). Мурзилка отправляется в посольство Японии и ведет беседу с госпожой Фурута, которая объясняет ему базовые принципы оригами, а заодно сообщает, что «в Японии всякий пакет для упаковки имеет свое значение. Например, японские ребята всегда догадываются, куда направляется человек с красивым пакетом – в гости, на свадьбу или поздравлять именинника. На каждый случай – своя форма упаковки, свои секреты». Статья проиллюстрирована фрагментами суми-э, изображающими бамбук и ветку сосны.

№8 за 1994 г. полностью посвящен Японии. Значительная часть номера отведена под схемы оригами, которые как раз в эти годы приобрели значительную популярность на постсоветском пространстве. В краткой, но содержательной заметке М. Литвинова приведена история искусства оригами и этимология термина. Пять простых схем оригами сопровождаются короткими стихотворениями Валентина Берестова (1928–1998).

В этом выпуске впервые с 1957 г. публикуются японские сказки в переводе В. Марковой: «Три сокровища», «И так и этак», «Стебелек одеяла», «Хоть и летают, а всё равно колья» – и впервые с 1966 г. японская поэзия. Это стихи детского поэта Мадо Митио (1909–2014), в том же 1994 г. ставшего лауреатом Премии имени Г.Х. Андерсена: «Оду-оду-одуванчик», «Листок в собственной раме», «Вишневый лепесток», «Маленькие птицы» в вольном переводе Ю. Ковалёва (1938–1995).

Комикс А. Семенова «Приключения Мурзилки и птички Чирик» в этом номере также посвящен Японии. Мурзилка, перемежая реплики на русском языке японскими словами и фразами, отправляется на надувной лодке в Японию. Он видит японский флаг на фоне горы Фудзи, сосны и старинный храм.

В номере помещена статья «Япония – страна восходящего солнца», содержащая базовые географические сведения о стране, и викторина «Что ты знаешь о Японии?». Статья сопровождается фото японских памятников архитектуры, современного Токио и «горы Фудзияма». «В Японии любят праздники, заранее к ним готовятся и празднуют весело и красиво – в нарядных костюмах, с разноцветными фейерверками. Самым значительным праздником считается Новый год. Это семейный праздник. Но, пожалуй, самые трогательные из всех праздников – детские», – сообщается далее в статье. Приведены краткие описания Праздника девочек и Праздника мальчиков. На фото запечатлены дети в роскошных кимоно и взрослые участники праздников. Отдельные статьи посвящены икэбанае, чайной церемонии и палочкам для еды. В соответствии с позднесоветскими публикациями и основанными на них постсоветскими представлениями [Мещеряков 2014: 51–54], Япония «Мурзилки» девяностых – страна экзотического быта, древних традиций и пышных праздников. Она существует вне времени. Красота и изящество ценятся в ней превыше всего, а предметы материальной культуры несут тонкий и непостижимый духовный смысл.

В № 11 за 1994 г. размещена еще одна схема оригами, а в № 12 – японская сказка «Соловьиный дом» в переводе В. Марковой.

В статье «Путешествие в Японию» (2001. № 11) М. Москвина восторженно перечисляет впечатления от посещения Японии: музеи, посудная лавка, храмы, восхождение на Фудзи. Подробный, адресованный взрослому читателю и отнюдь не столь экзальтированный отчет о поездке был тогда же частично опубликован в журнале «Огонек» (2001. № 37) и через год вышел в виде книги «Изголовье из травы».

Таким образом, на протяжении XX в. в журнале «Мурзилка» можно выделить три основных периода интереса к Японии, в каждый из которых формируется отдельный образ Японии и японцев, отражающий определенный этап отношений СССР (а позже России) с Японией и коррелирующий с образом Японии в советской «взрослой» периодике.

В период японской оккупации Маньчжурии и Хасанских боев, а также после войны с Японией абстрактные безымянные «японцы» – агрессоры, угнетающие китайцев-рабочих, фашисты, посягающие на советские границы.

В эпоху «оттепели» «Мурзилка» популяризирует японскую культуру, публикуя стихотворения японских поэтов, японские народные сказки, описания народных праздников и игр. Подчеркивается народность и поэтичность японской поэзии для детей.

Третий период, когда Япония появляется в «Мурзилке», начинается в 1991 г. Теперь это утонченно-экзотическая страна, существующая вне времени. Она интересна своей изысканной материальной культурой, сквозь которую неуловимо и притягательно просвечивает культура духовная. Основу жизни японцев составляют древние традиции, праздники и развлечения.

ЛИТЕРАТУРА

Магуро 2013 – *Магуро Ю.* Камисибай: забытый родственник манги // Киноведческие записки. 2013. № 102/103. С. 89–94.

Мещеряков 2014 – *Мещеряков А.Н.* Страна для внутренней эмиграции. Образ Японии в позднесоветской картине мира // Отечественные записки. 2014. № 4. С. 44–55.

Эренбург 1957 – *Эренбург И.* Японские заметки // Иностранная литература. 1957. № 8. С. 223–248.

REFERENCES

Maguro Yu. Kamishibai: The Forgotten Manga's Relative. *Kinovedcheskie Zapiski*. 2013. No 102/103, pp. 89–94.

Meshcheryakov A.N. Country for Internal Emigration. The Image of Japan in the Late Soviet Picture of the World. *Otechestvennye Zapiski*. 2014. No 4, pp. 44–55.

Erenburg I. Japanese Notes. *Inostrannaya literatura*. 1957. No 8, pp. 223–248.

Сведения об авторе:

Мария Михайловна Громова,
младший научный сотрудник
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Mariya M. Gromova,
Junior Researcher
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
marija.gromova@list.ru